

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В ИСТОРИЮ

THE RETURN OF RUSSIA IN HISTORY

С.Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор,

Д.С. Сосновских, старший преподаватель

Уральского государственного аграрного университета

(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Рецензент: Д.Н. Багрецов, кандидат филологических наук, доцент

Уральского государственного аграрного университета

Аннотация

Взлет информационного общества совпал с кризисным и искусственным – в результате поражения нашей страны в холодной войне – «выпадением России из истории» в 1990 гг. Однако сегодня в начале нового тысячелетия начинается постепенное и осторожное «возвращение России в историю». В области социальной философии этому процессу соответствует возвращение людей в теорию. В современной России существует не одно общество, а одновременно несколько, и они выглядят как особые фрагменты мозаики информационного общества. Процесс развития творческого потенциала человека реализуется в постсовременном мире отчуждения в превратной форме прогресса «общества профессионалов», обучения квалифицированного работника. На самом деле постиндустриальные технологии и доминирование творческой деятельности, связанной с самореализацией человека в деятельности-общении, есть проявление умирания эпохи доминирования материального производства. Возвращение России в историю означает, что лидером этого процесса становится самая пострадавшая от распада материального производства цивилизация – русская цивилизация, которая в своем кризисном развитии переходит на рельсы постиндустриализма. Этому процессу соответствует возвращение людей и их нематериальной практики в социальную теорию как важнейших агентов социальной трансформации постиндустриального общества.

Ключевые слова: выпадение России из истории, возвращение в историю, возвращение людей в теорию, доминирование материального производства, социально-философский анализ, материалистическое понимание общества.

Abstract

The rise of information society has coincided with the crisis and artificial – the result of the defeat of our country in the cold war – "the loss of the Russian history" in the 1990s, But now, in the beginning of the new Millennium begins a gradual and careful, "the return of Russian

history". In the field of social philosophy, this process is consistent with the return of people to theory. In modern Russia there is not one society, but several at the same time and they look like special fragments of the mosaic of the information society. The process of development of human creative potential is implemented in the post-modern world of alienation in the wrong form of progress of the "society of professionals", training of a qualified employee. In fact, post-industrial technologies and the dominance of creative activity associated with the self-realization of human activity-communication, is a manifestation of the death of the era of domination of material production. The return of Russia to history means that the leader of this process is the most affected by the collapse of material production civilization – Russian civilization, which in its crisis development goes on the rails of post-industrialism. This process is consistent with the return of people and their non-material practice to social theory as the most important agents of social transformation of post-industrial society.

Keywords: the loss of Russia from history, return to history, the return of people in theory, the dominance of material production, social and philosophical analysis, materialistic understanding of society.

Возвращение России в историю и возвращение людей в теорию

Взлет информационного общества совпал с кризисным и искусственным – в результате поражения нашей страны в холодной войне – «выпадением России из истории» в 1990 гг. Как и во все прошлые периоды смуты, Россия в это тяжелое время «отступила от активного участия в истории, внутренняя связь государства ослабла, роль страны в международной жизни упала, экономические и социальные проблемы не позволили власти и народу сосредоточиться на глобальных исторических проектах. Крах советской идеологии и неудача внедрения западной буржуазно-демократической либеральной модели породили в российском обществе вакуум. Общество потеряло ориентацию, объединяющую идею, мотивацию социального творчества. Пропал образ будущего, передача опыта новым поколениям стала проблематичной из-за отсутствия связи поколений и объединяющего социального начала» [1]. Однако сегодня в начале нового тысячелетия начинается постепенное и осторожное «возвращение России в историю». В области социальной философии этому процессу соответствует возвращение людей в теорию. Имеется в виду, что прежние теории социального развития – марксистская историко-материалистическая и либерально-идеалистическая – не нуждались в рассмотрении реальных живых людей, народов в понимании модернизационных социальных процессов. Теперь люди, их интересы и историческая ментальность возвращаются в теорию эволюции цивилизаций. Эволюция начинает рассматриваться как

конкуренция цивилизаций и народов и без людей при таком рассмотрении общества не обойтись.

Новое российское общество, сменившее собой советское общество, было скопировано младореформаторами-неудачниками с западного образца. Этому обществу изначально был определен возраст в 25 лет, датой его рождения было назначено 12 июня 1990 г., так называемый «день независимости России» (впоследствии – «день России»). В сравнении с 300-летним возрастом американского общества наше общество изначально находилось в младенческом состоянии. При этом не учитывалось очевидное обстоятельство, что возраст Большого театра превышает возраст североамериканской государственности. В очередной раз в русской истории политические элиты навязали народу западнические социальные формы, не вдаваясь в то, как к этому относится народ. Народ в десятые годы нового столетия стал массово возводить памятники Сталину в городах, ставить бюсты «отцу народов» в городках и весях объявленной политической элитой новорожденной страны.

Насильственные преобразования велись в сжатые сроки, без консультаций с народом, при массивной информационной пропагандистской промывке мозгов. Автор пишет: «Так как при этом народ рассматривался как «пассивный объект для манипуляций», и главной задачей было «устранить остатки советской системы», реформы проводились жестоко, в ускоренном темпе и без оглядки на издержки. Такой подход предопределил их провал. И хотя определенные элементы либерально-демократической, буржуазной идеологии, а также новые технологии, рыночные механизмы, средства массовой информации нового поколения и сетевые элементы (Интернет, мобильная связь и т.д.) были успешно внедрены в российское общество, эта линия в конце 90-х годов была отвергнута народом, отзывавшим у младореформаторов изначальный кредит доверия (о чем явно свидетельствует падение влияния прозападных либеральных партий (СПС, «Яблоко») и их исчезновение из парламента на выборах 2003 года)» [2].

Фрагменты мозаики информационного общества в России

В современной России существует не одно общество, а одновременно несколько обществ, и они выглядят как особые фрагменты мозаики информационного общества. Мы видим здесь общество экономических и политических федеральных элит (и их подрастающих отпрысков), вовлеченных в глобальные сети, включенных в «офисную культуру» и разделяющих стиль постмодерна. Сохранилось общество бюджетников, продолжающих жизненную линию служения обществу, – в сущности, позднесоветской интеллигенции, высоко ставящей социальные идеалы. Над всем доминирует общество региональной бюрократии, где инерция советских клише соседствует с элементами

феодалных методов управления, понятиями и нормами преступных сообществ, имитацией западных тенденций постмодерна.

Властью искусственно выращивается, пестуется и финансируется под видом поддержки малого и среднего бизнеса общество предпринимателей, с оппортунистической психологией и неясным идеологическим багажом, при полном отсутствии классового или профессионального самосознания. Существует общество преимущественно русских рабочих и крестьян, которые полностью вытеснены на периферию социальной жизни и никак не представлены в политических элитах, СМИ, социально и экономически значимых процессах. Расширяется и модифицируется общество маргиналов, не нашедших места в новых условиях. Телевидением всерьез популяризируется общество этнических групп, замкнувшихся в себе и возвращающихся к древним ремеслам, культурным и обрядовым циклам, или, напротив, стремительно осваивающих элементы городской, глобалистской культуры и информационных технологий. Эти типы обществ практически не соприкасаются друг с другом, а потому создать единое общество – задача современных граждан России, способных к реализации проекта совместного построения Новой России в общем русле русской истории. Станет ли продукт этого проекта единым русским информационным обществом, в котором элементы мозаики начнут знать друг о друге, понимать себя и соприкасаться? Или же, согласно ритмике развития русской культуры, следовало бы ожидать наступления «Бронзового века», когда снова встанет вопрос о культурном предназначении русского народа, о месте русских в контексте человечества, о диалектике народной и западной глобалистской устремленности элит?

«Бронзовый век» состоится, если заново пробудит народное культурное начало, адекватно осмыслит логику культурного развития России и СССР в XX в., найдет правильные пропорции отношения к вызову культуры постмодерна, похоронившей ценности эпохи Просвещения. А.Г. Дугин полагает, что «в настоящее время в российском обществе мало или вовсе нет признаков вступления в «Бронзовый век». Скорее всего, мы по-прежнему переживаем в культуре период замешательства и распада, отмирания советских кодов, что усугубляется не критичным и неосознанным копированием отдельных элементов западного постмодернизма без какой-либо связи с историческими традициями русской культуры и ее логикой» [3].

В древнегреческом мифе Гесиода о «четырех веках» подчеркивается, что бронзовый век является «веком героев». А герои в отличие от богов – это те, кто осуществляет свои подвиги не благодаря, а вопреки силам судьбы, бросая им вызов. Агенты блогов и активисты хакерского движения, субъекты информатизации и

специалисты компьютеризации не способны разбудить народ от исторического сна – они лишь могут проинформировать элиту и коммуницировать сообщества. Речь идет о поиске героев творческого преодоления материального мира и создания креатосферы. Именно они способны дать ответ на вопрос об идентичности России и россиян. В противном случае нас ждет растворение в мировых информационных и финансовых сетях без остатка. Либо мы великий народ с историей, либо обычная нормальная страна с бытовой проблематикой, либо переваренное миром случайное население. В сущности, исследование культуры информационного общества и места в ней образования взрослых и есть выработка общественной идеи, которая соответствовала бы актуальному этапу исторического бытия народа. Такая идея должна сложиться и утвердиться в процессе коллективного размышления, обсуждения, споров, дискуссий и полемик относительно основных путей развития общества.

Конец истории и последний человек?

Став идеологией истеблишмента «первого мира», идеи открытого общества уже превратились в материальную силу – силу вооруженных акций, направленных на привнесение принципов открытого общества в зоны геополитических интересов. Работа Ф. Фукуямы «Конец истории» вернула обществоведов-социологов к гегелевской методологии философии истории (причем, позаимствована оказалась не диалектика, а конъюнктурный вывод Гегеля о том, что история может достичь конца) [4]. Фукуяма решил последовать примеру Гегеля, «закрыв» открытое общество путем обнаружения нового абсолютного идеала – неолиберальной модели постиндустриального общества, базирующейся на власти ТНК, НАТО и других «сил освобождения». Так «познание законов истории» – вывод о крахе коммунизма – было использовано для прогнозирования победы постиндустриализма и выработки нового геополитического курса «большой семерки». Однако этот курс был подвергнут деконструкции в широко известном в России бестселлере Д. Сороса, названном неожиданно в ортодоксально-марксистском духе – «Кризис глобального капитализма» [5].

Выяснилось, что капитализм и его особо опасная неолиберальная разновидность – «рыночный фундаментализм» – не нуждается в творческой деятельности, он нуждается в информации для манипуляций и сверхприбылей. Люди становятся отчужденными жертвами вещей и знаков. Говоря словами И. Бентама, «скот существует для получения сала, а люди – для извлечения из них прибыли». Спецификой же творческой деятельности является то, что в ней одновременно развивается ее субъект и создается культурная ценность. Эта двойственность есть атрибут творческой деятельности.

Даже потерявший сверхприбыли в результате кризиса 1998 г. Сорос понял, что сверхзадачей будущего и, вероятно, социалистического общества является формирование таких общественных отношений, которые бы обеспечивали адекватные социальные формы для решения проблемы, объективно выдвигаемой на первый план процессом заката материального производства – приоритетного развития общедоступной творческой деятельности во всем богатстве ее слагаемых. То есть гегелевское движение к царству свободы и есть реальное освобождение труда.

Данный сущностный подход отличен от господствующих ныне представлений о направлении социальной эволюции. Лидер неомарксистского возрождения в России А.В. Бузгалин пишет: «Подобно тому, как превратной формой культурных ценностей стало производство, распространение и использование информации, так и превратными формами творческой деятельности стали «производство» специалистов и развитие информационных (прежде всего компьютерных) технологий, как главных средств жизнедеятельности информационного общества, общества специалистов. Но и то, и другое – всего лишь превратные формы, характерные для современного мира: сохраняющееся господство материального производства, отчуждение пытаются «перевести» творческую деятельность и её компоненты в плоскость традиционного производства материальных благ и потребления. Такой подход позволяет интерпретировать и теории «революции знаний», «компьютерной революции» и т.п. как характеристики примерно одного и того же процесса: во всех этих случаях речь идет о том, что знания и профессионализм стали своего рода субститутами творческого потенциала человека и его креативных способностей» [6]. Таким образом, научная философия общества, ориентированная на уточнение вектора реализации свободы в истории, не может удовлетвориться поверхностными и сенсационными концепциями «революции знаний», «общества знаний», «общества профессионалов», «человеческого (интеллектуального) капитала».

Такой социально-философский подход, обращающийся от явления к сущности, вызовет недоумение среди авторов, пишущих о ими названных «революциях». Но это не случайно: любая превратная форма характеризуется противоречием между ее подлинным содержанием и самой формой как таковой. Так же и здесь: «революция знаний», «компьютерная революция» – это термины, обозначающие превратные формы. Но эти формы не могут существовать и развиваться без своего содержания, без творческой деятельности и культурного диалога, без формирования творческой личности и ее новаторского потенциала как содержательных процессов, лишь «переворачиваемых» в современном мире с лица на изнанку, превращаемых в деятельность профессионалов. Это

«переворачивание» не случайно: знание и информационные технологии в отличие от культурных ценностей могут быть использованы в процессе материального производства и утилитарного потребления. Понятно, что видимая невооруженным глазом «революция знаний» и феномен информационного общества становятся подходящими почти газетными заголовками-обозначениями для превратных социально-экономических форм, механизмов утилизации растущего творческого потенциала человечества, используемого для прогресса капитала, накопления богатства, развития власти корпораций, поскольку именно для всего этого необходимы утилизация знаний, рост профессионализма, постоянное повышение производительности труда.

Бегство в виртуальный мир и постмодернити

Автор дискуссионной книги «Бегство в виртуальный мир» Эдвард Кастронова, объясняя написание своей книги, утверждает: «Многие думают, что игры заставляют человека вести нездоровый образ жизни. Я считаю, что люди в принципе ведут нездоровый образ жизни, а широкий ассортимент приведет нас к альтернативным социальным установкам, и некоторые из них могут оказаться намного лучше нынешних. Меня сводит с ума то, как современный мир разрушает семьи, губит наши представления о хорошем и плохом, как люди отдают свое время огромным бездушным организациям, как этот мир изолирует нас, забирая индивидуальность» [7]. Мир отчуждения в его современном виде – гегемонии корпоративного капитала – стремится утилизировать не утилизируемое – процесс развития творческого потенциала человека, осуществляемый в сфере непрерывного образования и формирования нового человека.

Процесс развития творческого потенциала человека реализуется в постсовременном мире отчуждения в превратной форме прогресса «общества профессионалов», обучения квалифицированного работника. Заметим, что в данном случае формируется не столько творческий потенциал и способность к распрямлению созданного совокупным человечеством культурных ценностей, сколько набор стандартных профессиональных навыков, которые необходимы для успешной адаптации к рыночной гонке и потребительскому безумию. Именно здесь создаются предпосылки для образования таких взрослых, которые не гармоничны и не творцы, но всего лишь люди-профессионалы, приспособленные для выполнения частичных функций, жестко подчиненных разделению труда. «Новый взрослый» постмодернити – это человек, который обладает соответствующими утилитарными потребностями, диктуемыми достаточно простым набором благ, необходимым для воспроизводства его профессиональных способностей. Тем самым формирование профессионала, потребление

им массовой культуры или узкопрофессиональных знаний становятся слагаемыми единого процесса функционирования псевдокультуры, псевдовзрослости.

Понятно, что переход к господству творческой деятельности, развитой креатосферы существенно изменяет само материальное производство. Несложно предположить, что постиндустриальное материальное производство должно преодолеть господство механических технологий, базирующихся на широком использовании невозобновляемых природных ресурсов. Генезис «царства свободы» позволяет сформулировать гипотезу: прогресс креатосферы в современном мире возможен исключительно по мере выдавливания «превратного» сектора, всей деятельности, связанной с обслуживанием собственно превратных форм, опосредующих жизнь и материального производства, и творческой деятельности. Эти структурные сдвиги связаны с развитием таких новых технологий в материальном производстве, которые позволяют преодолеть истощение, некомпенсируемое поглощение невозпроизводимых природных ресурсов и разрушение биогеоценозов, а также уйти от технологий, основанных на механических формах движения материи, связанных с подчинением человека разделению труда и прежде всего системе машин.

Прогресс креатосферы, всех ее сфер, связанных с формированием творческого, обладающего новаторским и культурным потенциалом человека; деятельностью в области науки и искусства, социальным новаторством позволит забыть как страшный сон те превратные формы, которые приобретают описанными нами структурные сдвиги в условиях современного корпоративного капитализма. В массовом сознании и в наиболее употребимом виде эти формы выглядят то как «общество услуг», то как «информационное» (или «постиндустриальное») общество.

А.В. Бузгалин пишет: «Во всех случаях использования этих названий фиксируются действительные, реальные, объективные тенденции вытеснения индустриальных технологий и, шире, материального производства. При этом, однако, не критически, позитивистски отражается процесс создания субститутов, которые как бы "переносят" превратные формы мира экономической необходимости (эти формы были названы выше) в то свободное пространство, которое могло бы быть занято креатосферой. Пожалуй, наиболее близка по сути к пониманию тенденции вытеснения материального производства гипотеза генезиса постиндустриального общества, в которой фиксируется рождение технологий и сфер материального производства, уходящих от собственно машинного производства, индустриальной технологии» [8].

Критика теорий постиндустриального общества

Критика теорий постиндустриального общества (но не самой практики постиндустриального развития стран первого мира, которая рассматривается как единственно возможная), идет по двум линиям. Первая: масштабы распространения и, главное, роль процессов развития нового качества социума сильно преувеличены. Бум информационных технологий, резкое возрастание роли элиты профессионалов в жизни общества характерны лишь для «золотого миллиарда», но даже там радикальных, качественных изменений в природе рыночной буржуазной экономики, гражданского общества и homo economicus не происходит, и потому основные постулаты прежней обществоведческой теории остаются актуальными.

Вторая линия критики, убедившись, что на практике рост информационных технологий ведет к прямо противоположным процессам: упрочению транснациональных корпораций и рынка в экономике, правых – в политике и идеологии, приходит к постмодернистскому взгляду на рассматриваемые процессы. Утверждается, что прогресс информационного общества (общества профессионалов) есть реальность: она может дать и дает определенные преимущества одним и может принести и приносит проблемы другим, а потому описывается по-разному в рамках разных парадигм.

На самом деле постиндустриальные технологии и доминирование творческой деятельности, связанной с самореализацией человека в деятельности-общении, есть проявление умирания эпохи доминирования материального производства. Глобальная власть капитала сегодня предполагает, во-первых, тотальный, проникающий во все поры жизни человека, рынок. Причем это не рынок свободно конкурирующих атомизированных предприятий, а тотальный рынок как пространство борьбы гигантских сетей, центрами которых являются ТНК. Мы все – работники, потребители, жители – становимся полурабами этих борющихся между собой пауков и их паутин, превращаясь в мещан-потребителей.

Во-вторых, гегемония капитала ныне - это преимущественно власть виртуального фиктивного финансового капитала, «живущего» в компьютерных сетях. В-третьих, глобальная гегемония капитала ныне предполагает не просто подчинение наемных рабочих через куплю-продажу рабочей силы, но и целостное подчинение личности работника. Творческий потенциал, талант, образование – вся жизнь человека-профессионала присваивается современной корпорацией, и не только в «первом мире».

Вот почему ключевой проблемой прогресса человеческого сообщества в XXI в. становится освобождение творческой деятельности от форм, которые ей навязываются в превратном секторе, выдавливание этого сектора и использование высвобождаемых ресурсов для прогресса креатосферы – мира культуры, общедоступной творческой

деятельности и, соответственно, сфер, в которых создаются культурные ценности, идет процесс формирования, воспитания, обучения и развития человека как свободной, всесторонне развивающейся личности. Итак, господствующая ныне модель постиндустриального развития, использующая высвобожденные высокими технологиями ресурсы для разбухания превратного сектора, генерирует собственные пределы, обостряя глобальные проблемы, отчуждая большинство от возможности участия в сотворчестве (и тем самым лишая себя ключевых ресурсов прогресса постиндустриального мира) и создавая (в лице материально и культурно деградирующего большинства) предел собственному развитию.

Те теории постиндустриального (информационного и т.п.) общества, что лишь констатируют эти процессы, не ставя даже вопрос о возможности и необходимости альтернативы, по сути, оказываются не чем иным, как апологетикой той господствующей социальной силы, которая обеспечивает именно такую модель. И в этом нет ничего нового: объективизм, деградирующий в нескритичность и безальтернативность, всегда обращивается апологетикой.

Российское общество из индустриального превращается постиндустриальное, которое на поверхности социального взаимодействия выглядит как информационное. Это социокультурное изменение выводит на первый план духовные показатели жизни – количество и качество производимой и используемой информации. Именно этими критериями все больше начинает измеряться степень цивилизованности общества. Именно отсюда проистекает рост того значения в общественном развитии, какое приобретает в настоящий момент социальный феномен под названием «информационная культура».

Смысл информационной культуры

Смысл понятия «информационная культура» выводится из двух значений родственных общественных явлений, имеющих однопорядковое социально-философское значение, - информации и культуры. Информация трактуется как осуществляемая вербально-визуальными способами передача сведений, циркулирование многообразия отраженного и взаимоотраженного многообразия жизненного пространства человека. Культура определяется как мера развития личности и духовный компонент человеческой деятельности, как составная часть и условие всей системы деятельности, обеспечивающей разные стороны жизни человека. В информационном обществе начинают складываться сложные социальные чувства, вытекающие из «ощущений четвертого порядка». Ощущения-точки, ощущения-цепочки, ощущения-цепочки составляют ощущения первого порядка, реализуемые в традиционном обществе [9]. Ощущения второго порядка и

информационные ощущения третьего порядка интегрируются в социальные чувства ощущений четвертого порядка.

В связи этих двух социальных явлений - информации и культуры - образуется новый конструкт под названием «информационная культура». Информационной культуре можно дать первичное определение как качественного состояния системы производства, распространения, потребления социальной информации в обществе, как набор умений и навыков личности оценивать, потреблять, усваивать, передавать социальную информацию по межличностному, групповому и массовому коммуникативным каналам.

Человек с развитой информационной культурой характеризуется как личность, обладающая целым комплексом знаний и умений, – владение тезаурусом, включающим такие понятия, как информационные ресурсы, информационное мировоззрение, информационная среда, информационное поведение; умение грамотно формулировать свои информационные потребности и запросы; способность эффективно и оперативно осуществлять самостоятельный поиск информации с помощью как традиционных, так и нетрадиционных, в первую очередь, компьютерных поисковых систем; умение рационально хранить и оперативно перерабатывать большие потоки и массивы информации; знание норм и правил «информационной этики» и умение вести информационно-коммуникационный диалог.

На наших глазах человечество вступило во взаимозависимый мир, который можно понять и изучить, только рассматривая его в многомерном пространстве, учитывающем такие составляющие, как цивилизация, культура, информационная среда, мировоззренческие парадигмы, сознание человека. От того, как развивается каждый из этих векторов на российской культурной почве, зависит взаимосвязанное насыщение духовностью сознания человека или происходят драматические изменения, кризисные явления, характерные для современной личности. Эти изменения порождают потребность в исследовании и анализе процессов влияния информационной среды на культуру личности и ее трансформацию в кризисной социокультурной динамике. Социально-философский анализ социальных систем позволяет не уповать на поиск случайностей или сводить все к личностному фактору [10]. Материалистическое понимание общества исходит из обнаружения исторической необходимости, которая пробивает себе дорогу через множество случайностей. Это понимание исходит из того, что за последние столетия управленческие технологии настолько развились, что не нужна конспирология для того, чтобы найти скрытые и общие причины многих социальных явлений.

Управление человеческим сознанием в инфосфере XXI в.

Сегодня управление человеческим сознанием в XXI в. происходит в инфосфере, наполненной информационными компьютерными технологиями и инфраструктурой телекоммуникаций. При этом всеохватность, сложность и сетевой характер являются решающими условиями создания информационной базы манипулирования информационными компьютерными технологиями и инфраструктуры коммуникаций. Возникла «инфосфера» – она стала слишком глобальной и системной, чтобы какая-либо группировка могла ее контролировать, и она вышла из-под управления государства. Мультимедиа-система, посредством которой личность вступает в отношения с инфосферой, строит новую символическую среду. Она делает виртуальность нашей реальностью. Средства манипулирования сознанием структурируют социально-психологический контекст жизнедеятельности человеческого сознания. Этот контекст становится воздухом свободы при формировании вектора постиндустриального развития. В СССР господствовало чистое языковое принуждение, и у власти были философы.

Как утверждает Б. Гройс, все было так, как должно было быть, как объясняла философия. Он пишет: «Советский Союз, действительно, представлял себя как государство, в котором вся власть принадлежит философии. Легитимность коммунистического руководства определялась в первую очередь тем, что оно репрезентировало определенное философское учение – марксизм-ленинизм. Другой легитимации это руководство не имело. Поэтому философствование было его первой обязанностью» [11]. Но ведь то же самое происходит в буржуазном обществе – там господствует западная либеральная философия, которая задает права и свободы или несвободы людей и народов. Гройс пишет, что после распада Советского Союза никакой общественный договор не действовал, и, как на диком Западе, ничью собственность нужно было срочно поделить: «приватизация оказывается, таким образом, столь же искусственным политическим конструктом, как и огосударствление. То же самое государство, которое некогда провело обобществление собственности, ради построения коммунизма, теперь организовало ее приватизацию, чтобы построить капитализм» [12].

Возвращение России в историю означает, что лидером этого процесса становится не государство, выполняющее заказы различных классов (вначале – четвертого сословия, а через 70 лет – нарождающегося третьего сословия), а сама самая пострадавшая от распада материального производства цивилизация – русская цивилизация, которая в своем кризисном развитии переходит на рельсы постиндустриализма. Этому процессу соответствует возвращение людей и их нематериальной практики в социальную теорию как важнейших агентов социальной трансформации постиндустриального общества. И здесь мы переходим на совершенно иную почву социально-психологического, а не

социально-философского анализа столкновений техногенных и антропогенных личностей в рамках русской человеческой цивилизации и наркочивилизации Запада [13].

Завершилась четвертьвековая история наивных попыток вписаться в мировую цивилизацию, вернуться на столбовую дорогу мировой культуры путем введения так называемого «нового мышления», перехода на общечеловеческие ценности, под которыми на самом деле оказались скрыты либеральные ценности западного общества, подготовленные для экспорта в развивающиеся страны. Достаточно указать на знаковую и упрощенную работу советника последних генеральных секретарей ЦК КПСС Ф. Бурлацкого «Новое мышление» [14]. Возвращение России для западных политологов имеет совершенно иной смысл, чем тот, который мы вносим в нашей статье. «Ведущий политолог посткоммунистической России» калифорнийский профессор Д. Тризман десятую главу своей книги называет «Россия, которая вернулась», и именно это он называет концом оригинальной и неповторимой русской истории [15]. Мы считаем, что происходит возвращение России в ее собственную и мировую историю, а потому начинается подлинная человечества, завершается его предыстория. Тематика возвращения в историю имеет прямое отношение исключительно к историческому мессианскому лидеру мировой цивилизации – России. Китай (Поднебесная) никогда так не ставил вопрос о траектории своего исторического развития, напротив, Индия ставит вопрос о своей идентичности отдельно от мировой истории. Индийские философы ставят вопрос о преодолении внутреннего сепаратизма и о противостоянии «нашей культуры» и «их культуры» [16].

Библиографический список

1. *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское Движение, 2007. с. 102-103
2. *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское Движение, 2007. с. 94-95
3. *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское Движение, 2007. с. 712.
4. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010.
5. *Сорос Д.* Кризис глобального капитализма. М.: ИНФРА-М, 1999.
6. *Бузгалин А.В.* Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе) // Критический марксизм: продолжение дискуссий. Изд. 2. М.: Слово, 2002. с. 32.
7. *Кастронова Э.* Бегство в виртуальный мир. Ростов н. Д.: Феникс, 2010. с. 214.

8. *Бузгалин А.В.* Неомарксизм (к теории социализма постиндустриальной эпохи: от тотальной гегемонии капитала к позитивной свободе) // Критический марксизм: продолжение дискуссий. Изд. 2. М.: Слово, 2002. с. 36.
9. *Николаев А.И., Николаев И.В.* Ощущения четвертого порядка. С-Пб.: изд. И.В. Николаева, 2006.
10. *Михайлов В.В.* Социальные ограничения: структура и механика подавления человека. М.: изд. ЛКИ, 2011.
11. *Гройс Б.* Коммунистический постскрипtum. М.: Ад Маргинем, 2007. С.42.
12. *Гройс Б.* Коммунистический постскрипtum. М.: Ад Маргинем, 2007. С.119.
13. *Баландин Р.* Наркоцивилизация. Мнимая реальность. М.: Эксмо, 2003.
14. *Бурлацкий Ф.М.* Новое мышление. Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М.: ИПЛ, 1988.
15. *Тризман Д.* От Горбачева до Путина и Медведева. Беспристрастный взгляд на современную Россию. М.: ЭКСМО, 2012.
16. *Amartya Sen.* The argumentative Indian. Writings on Indian history, culture and identity. London: Penguin books. 2005. P. 120.
17. *Fernandez-Gotz M.* Urbanization in Iron Age Europe: Trajectories, Patterns, and Social Dynamics // JOURNAL OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH. Vol. 26. Iss. 2. Pp. 117-162. Published: JUN 2018.